

СМЕНА

7

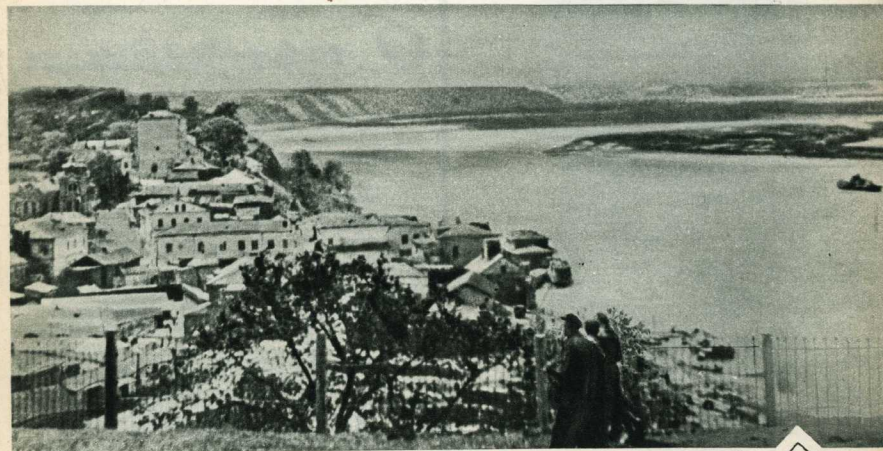
1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Павлово-на-Оке.

Кинокадры из хроникального фильма
«Павловские мастера».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7. 1950 год.

Год
издания
27-й

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД БОЛЬШОЙ СТРАНЫ

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Результаты переломки пролетариат по всей стране, и в маленьких городках она переживает огромные успехи. Горнорабочие имеют возможность пользоваться общественной мастерской, оборудованием, инструментами. В Павловске эта возможность была достигнута в 1954 году. Переломка проводилась при участии большого количества специалистов и рабочих. До революции в Павловске было 13 мастерских, а в 1954 году их количество достигло 130. В 1954 году было выполнено работ на сумму 1,5 миллиона рублей, а в 1955 году — 2,5 миллиона рублей.

Решено организовать техникум в Павловске. Это поможет подготовить кадры для работы в городе. В Павловске организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

В строй входит этап по выработке сырья и камен, работ в деревнях. Намеги этих работ и на другие заводы и фабрики.

Октябрьские революции Павловск оставил фабрики, которые были построены в 1930-е годы. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

Специально Павловск это уже завод, фабрика, предприятие, с массовыми производствами, с массовыми производствами, с массовыми производствами.

После войны работы по благоустройству города разрослись в еще большем объеме. За последние годы в Павловске построено много жилья, школ, детских садов, больниц. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

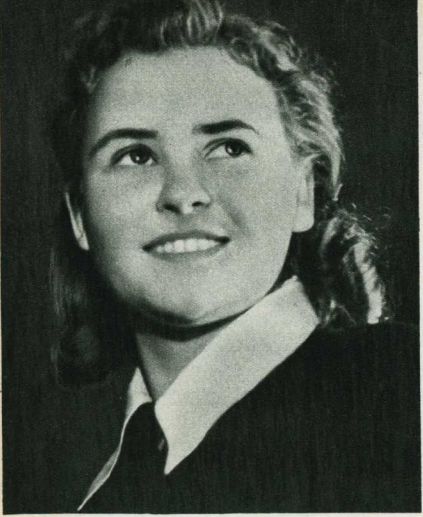
В Павловске организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

В Павловске организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

В Павловске организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

В Павловске организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

В Павловске организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию. В городе организованы курсы для рабочих, которые будут помогать им повышать свою квалификацию.

Галина Сашкова, учащая Павловского художественного ремесленного училища.

настоящим ...

Тут же Ильич приводит два следующих примера.

Знаменитый павловский землекоп Хворов делал замки по 24 штуки на минутку; отдельные части таких замков доводили до величин блуждающей головки. Но вот другой пример — уже не редкостного, а массового явления. Ленин цитирует характеристику павловских кустарей, данную Григорьевым:

«Не встретится один из таких рабочих... работавший 6 лет у одного и тот же тисков и проставший своей голый левой ногой углубление больше чем в полтолщин половой доски; он с горькой иронией говорит, что хозяин хочет прогнать его, когда он простит доску наизусть».

Потрясающую картину рабского труда и быта павловских рабочих-кустарей нарисовал в своих известных «Павловских очерках» писатель Владимир Галактионович Корolenko. Он воссоздал подлинно социальную драму неравной борьбы кустарей с наступающим капитализмом. Корolenko не понимал классовой природы этой борьбы, но чутым честным художником уловил аллюзию в борьбе скукащика и кустаря. «Конкуренция — пресс», — писал Корolenko. — Кустарь — материал, лежачий под прессом, скукащик — винт, который пресс нажимает». Очерки Корolenko кончатся суровой картиной гибели кустарей.

Совершенно ясно, что повлаиче не вышли бы из беспросветной нужды, бесправия, дикого произвола владык мушкетеров, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция, если бы не Ленин и Сталин, партия большевиков.

Нет больше и никогда не будет ничего, грязного селения Павловск! Нет больше нечеловеческой эксплуатации, уродующей не только тело, но и душу человека!

Есть город Павлово, советский город, маленький, но органическая часть нашей великой Родины, и он живет такой же содержательной, кипучей и насыщенной жизнью, как и вся наша страна; его так же охватывают и согревают лучи солнца Сталинской Конституции, как и всю советскую землю; в нём живут такие же советские люди, как и в Москве, Ленинграде, на Дальнем Востоке и на Юге, и вместе со всем

По материалам Павловского горсовета.

советским народам они активно участвуют в строительстве нового, коммунистического общества, отдавая этому все свои силы, знания, помыслы своего сердца.

Советское Павлово — это крупный индустриальный район, это большие государственные заводы, механизированные кооперативные предприятия, это полтора десятка общеобразовательных и специальных учебных заведений.

Наше родное советское правительство и большевистская партия проявляют много заботы о павловчанках. Только за последние годы, уже после войны, выросли большие дома на улицах Чапаева, Шмидта, Крупской, Куйбышева, открыта новая больница, средняя школа. У павловчан есть свой драматический театр с хором и труппой, большой кинотеатр. Свой досуг взрослые и юные горожане проводят в летних садах, на спортивных площадках, в библиотеках и клубах.

И это там, где до революции, как свидетельствуют официальные данные, было всего один-единственный библиотек, где культурные учреждения состояли из 10 чертвей и 21 кабинета.

Заводы Павлово всё более механизмируются. Облегчается труд рабочих. Исключительную помощь оказывает партия кустарям, ныне объединённым в кооперативные предприятия. Многие отрасли производства переведены и переводятся на поток. Социалистические методы труда делают труд кустарей рациональным, творческим.

В условиях советского строя расцвели раскрывшиеся творческие силы народа небывалого развития и размаха достигло традиционное мастерство павловчан. Где чернели убогие лагуны кустарей, теперь сверкает на солнце высокие, светлые и просторные корпуса заводских цехов; где раньше горели в дыму печурки, там сейчас — на смену кованке и молотку пришли совершеннейшие токарные и фрезерные станки, сложные штампы, паровые молоты. Осваившая современную технику молодёжь бережно хранит и моментом трудовой славы своих отцов и дядов.

Не одинаковы — виртуозы и массы! Как и раньше так теперь павловчане проявляют в сотнях знаменитых фамилий стахановцев, таиш, как Н. Тестов, Н. Сумароков, Е. Юрова, А. Марченко, А. Денисов, Т. Ермакова, и многими другими, прославляющими своим патриотическими делами родной город.

Павловчане гордятся своей молодёжью, комсомольцами. Ведь это труд их участия в городе авиационных такс, деревьев, разбиты фруктовые сады и ягодные питомники. Комсомольцы ревностно следят за тем, чтобы развивалась хорошая традиция горожан — выращивать на дому лимонные и мандариновые деревья.

Комсомольцы и молодёжь, работающие на заводах и в артелях, привносят потогонный метод в различные производства. Это они взяли на себя обязательство продлить жизнь оборудования, закрыв за собой станки и механизмы, это комсомольцы и молодёжь приводила в порядок городские сады и парки культуры и отдыха, это по их инициативе строится методом народной стройки спортивный стадион. Наши комсомольцы — верные помощники городской партийной организации.

Мы гордимся тем, что на последних выборах депутатов в Верховный Совет СССР трудящиеся Павлово избраны в избирательный округ, как и все советские люди, снова продемонстрировали высокую политическую активность и свою преданность делу Ленина — Сталина, единодушно проголосовав за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных. Нельзя не отметить, что в этом намалая заслуга принадлежит и комсомольцам, проявившим себя в избирательной кампании незаурядными организаторами и агитаторами.

Молодой товарищ, читатель «Смелых»! В любом городе необъятной нашей страны вам может встретиться продукция павловчан. Почти в каждом хирургическом кабинете больницы или поликлиники Советского Союза можно найти инструменты, изготовленные в Павлово. Любый механик, водитель автомобиля, тракторист ежедневно пользуется ключами, домкратами и другими инструментами, сделанными павловчан. В рыболовецких артелях, на промыслах, в портах вы увидите канатные тросы, сети, верёвки павловского производства; наконец в любом доме вы непременно встретите целый ряд бытовых вещей — ножи, вилки, ложки, ножицы... на которых быт стоит марка «Павлово-Олея».

Нам, советским людям, живущим в Павлово, очень дорога эта марка. Наш труд вливается в труд всего народа нашей Родины, строящей под водительством великого Сталина коммунизм.

Перечитайте внимательно «Павловские очерки Королёно, и вы ещё лучше поймёте тогда, что произойдёт вокруг вас, поймёте глубокий смысл слов незабвенного А. А. Жданова: «Мы уж не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот...»

Много лет назад, когда А. А. Жданов был секретарём Нижегородского крайисполкома ВКП(б), он говорил: «Я думаю, что нам в конце концов надо добиться, чтобы на земле, где жили, что и жили, что и жили, что и жили...» — это советский Золинген». Нам надо работать так, чтобы Золинген стали называть немцами Павлово.

Пришло это время! Теперь жители больших и малых городов Запада счастливы были бы жить так, как живут и трудятся сегодня павловчане.

Ко всему этому привела наш народ Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, для которой нет ничего выше, чем интересы народа. Потому-то так горячо и безраздельно любит наш народ партию большевиков, потому-то так безгранично верит в то, что она приведёт нас и ещё более светлой и более радостной и культурной жизни — к такой жизни, какой никогда ещё не было на земле.

Л. ПОПОВ,

секретарь Павловского горкома ВКП(б),
депутат Верховного Совета СССР

Дружба

С детских лет, когда я впервые прочитала книгу Н. Островского «Как закалялась сталь», у меня осталось сильное впечатление о большой товарищеской дружбе, которая окружала Павла Корчагина в юности и затем всю его в жизни.

Для меня чувство это стало чем-то очень и очень дорогим. Может быть, именно тогда у меня появилось желание быть в рабочем коллективе, дружном и вместе с тем требовательном. Поэтому и пошла в индустриальный техникум, а по окончании его поступила на завод имени Жданова. Здесь я попала именно в такой коллектив. В январе 1949 года меня избрали комсоргом.

В цехе было тогда только 26 комсомольцев. Это очень мало, либо рабочие были в основном молодые, выпускники ремесленного училища. Мы начали с создания комсомольских групп, с налаживания выпуска «Боевых листков» и стеновых газет. Вскоре наши активности стали привлекать всё шире и шире несознательную молодёжь к выпуску «Листков».

«Листки» выходящие под самыми различными названиями («Колычка», «Еж» и др.), беспощадно критиковали лентяев, бражников, комсомольцев, плохо выполняющих общественные поручения. Молодёжь увидела в этом товарищескую критику, стремление помочь людям осознать свои ошибки и острободиться от них. Юноши и девушки стали подавать заявления с просьбой о принятии их в комсомол. Теперь в цехе более 50 членов ВЛКСМ. Мы приняли в свои ряды лучших стахановцев: Ваю Долгую, Раю Архипову, Анну Тирину, Клаву Макарову и других.

Большую роль сыграло обсуждение договоров на социалистическое соревнование. В честь знаменательных событий — 70-летия со дня рождения И. В. Сталина и выборов в Верховный Совет СССР — комсомольцы и молодёжь нашего цеха вставали на стахановскую высоту. Гала Щёткина, Валя Каёнов выполняли нормы на 200—300 процентов. Когда обнаружилось отставание отдельных участков, комсомольцы взяли на себя инициативу в ликвидации прощаров. В самый ответственный момент, в декабре прошлого года, выпуск продукции нашего цеха стал тормозить поставщик — завод «Красная Этна». Но инициативные комсомольцы цеха через заводскую комитет ВЛКСМ мы написали комсомолу «Красной Этны» письмо, в котором просили принять необходимые меры. Комсомольцы завод-поставщик поддержал нас, и план декабря был цехом выполнен с перевышением.

Мы живём очень дружно. Ходим часто в театр в кино, по возможности не пропускаем ни одной кинокартины. Многие ребята занимаются в драмкружке. Недавно силами драмкружка ставили пьесу Т. Новикова «Деревенская сестричка» и пьесу А. П. Чехова «Юбилей».

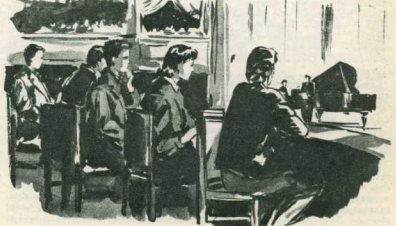
Часто с концертами мы выступаем в цехах, совершаем походы в подшефные колхозы.

На работе в обеденный перерыв молодёжь отдыхает в красном уголке. Здесь мы проводим чтение газет, книг, устраиваем концерты самодеятельности, танцы. Послушайте наши концерты — приходит ощущение все рабочего цеха.

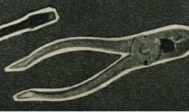
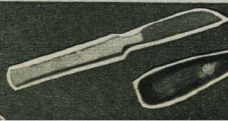
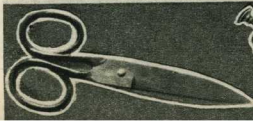
Дружной молодёжь мы живём, работаем и отдыхаем.

Вера ЦВЕТКОВА,

комсорг цеха пулевой инструментальной
завода имени Жданова

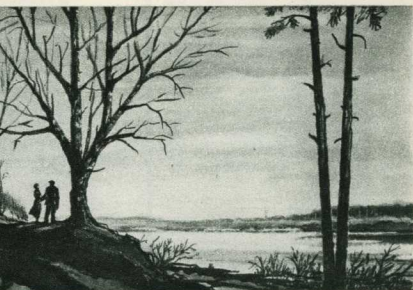
В городском Павлово находится завод хирургических инструментов имени Ленина.
И в снимке: комсомолец-стационар Софья Сузнова за сортировкой деталей.
На этой же странице вы видите некоторые изделия павловчан.

Сергей Башманов за работой. (Читайте очерк «Видится Далеко!»)

ВИДИТСЯ ДАЛЕКО...

Отсюда, с высоты прибрежных круч, видится далеко-далеко...

За городом, там, где Ока, уткнувшись в холмистую гряду правобережья, стремительно поворачивает на север, есть чудесное место, известное у повалочив под названием Дальние кручи. Место это поросло редким леском-парком; он накопился над обрывом, и за ним не видно ни самого города, ни дельты, открывающейся с высоты. Но если по одной из тропинок парка, ведущих к самым краям, выйти на берег реки, то взору неожиданно откроется на редкость величественная, возмущающая картина.

Отсюда, с высоты прибрежных круч, видится далеко-далеко.

Совсем рядом, справа, раскинувшись по холмам, лежат город, поблескивая окнами больших домов, дымя трубами заводов; направо — сколько можно охватить взглядом — простёрлись поля, а прямо перед нами величаво и спокойно катит свои прозрачные воды река, а за нею в туманной дымке голубеют дали.

Стоя здесь, над кручами, испытываешь необыкновенное чувство: в нём и гордость за человека, создавшего своим трудом город, дальние селения, которым, кажется, нет счета, и радость, какую обычно испытываешь, находясь в вышине.

Особенно хорошо над Дальними кручами ранней весной, когда Ока, играя и пенясь, сбрасывает с себя ледяной покров. И хотя холмы парка поросли леском, снег здесь сходит раньше, чем в других местах. Бывают, как сегодня, такие ранние вёсны, когда уже в самом начале апреля на лужайках парка обильно высыпают подснежники, дорожки и аллеи просят, и вечерами, особенно под выходной день, сюда приходят молодежь — погулять, посмотреть, как с шумом и треском ломаются льдины и разносится мутной весенней водой по широкому, будто море, замосковскому плугу. Юноши и девушки ходят над кручами парами, группами, встречаются, переговариваются, шутят, смеются.

— Смотрите, ребята, даже Сергей наш и то сегодня пришёл.

Сергей Баженов — невысокого роста, коренастый юноша в форме ремесленника — подошёл к товарищам, поздоровался, и они пошли вместе от круч к парку. Обычно под выходные дни Сергей на лыжах или просто так, пешёком, уходил за Оку, в родную Козловку — повидать братьев, помочь матери по хозяйству. Но в такое время, когда река в разливе, куда пойдёшь?

— Когда ребята по тропинкам поднялись в городской парк, на аллее они неожиданно повстречали группу девушек. Они шли, напевая какую-то шаболовную песню. Ребята решили не уступать им дорогу и, взявшись за руки, заняли всю аллею. Но, приблизившись к девушкам, Сергей воскликнул:

— Лиза!

Девушка, удивлённая этой неожиданной встречей, быстро подошла к Сергею и крепко пожала ему руку.

— Здравствуй, Лиза...

То была Лиза Юрова — одноклассница Сергея по художественному ремесленному училищу. В училище они обучались у одного мастера, работали за одним верстаком, в один и тот же день, возмущась, писали заявления о приёме в комсомол. Но как-то так получилось, что после окончания училища они давно не виделись. И вот встреча...

Работая, товарищи Сергея по работе и общению, и подруги Лизы, остановившись, смотрели на встречу старых друзей. Эта теплота, эта искренность большой комсомольской дружбы передавалась и им. Когда Лиза поздравляла своих подруг с товарищами Сергея, все они, дружно взявшись за руки, пошли по аллее.

О чём они говорили в первые минуты встречи, — трудно было сказать: хмельной ветер весны, осекавший разговорчивые щёки, медовый запах липовых почек, крепкое пожатие руки товарища — как много волнует нас в тот миг!

Но прошли минуты этих первых, общих, как всегда, незамысловатых, мимолётных разговоров, и юноши и девушки, как ледяной, прохладный по разжиженному весеннему снегу, осторожно стали искать общую тему для беседы. К счастью тема эта пришла сама: из боковой аллеи навстречу им вышел стройный молодой человек в шляпе и плаще, который неторопливо прогуливался с маленькой шустричкой собачкой. Это был режиссёр городского театра. Они уступили ему дорогу и, поздоровавшись с ним, заговорили между собой о театре.

— Мне последняя пьеса не понравилась, — сказала Лиза. — Может, дети и будут с интересом смотреть «Сказку», а мне скучно. И не знаю, почему наш «Металлист» хвалит постановку...

Горчала убежденности, с какой Лиза отговаривала своё мнение, резко расхопившись с точкой зрения городской газеты, которая вслепки расхваливала постановку, заставляла всех на некоторое время призадуматься.

Маленький миновал главный аллею, затем по боковым дорожкам повернул в Зелёную рощу.

— Ты неправ, Лиза, — проговорила вдруг Жена Морозова.

Всегда тихая, спокойная, она неожиданно горячо принялась хвалить постановку, её главную идею — победу света над тьмой — астрёрское исполнение ролей, декорации, костюмы...

— Этот, казалось, отвлечённый, далёкий от нас повседневной трудовой жизни разговор о театре увлек и разволновал всех. Спор и горячность, они не заметили, как сделали круг по боковым аллеям парка, спустились к Маяку, вновь поднялись и вышли на площадку перед открытой верандой летнего ресторана. Было уже далеко за полночь, аллея давно опустела, ветер притих, успокоился, и сумрак парка казался задумчивым и таинственным.

— Хотите спорить! — наконец проговорила Лиза строго. — Только закончимся... и сразу же... Пойдёмте на лужайку к кручам...

Они повернули на узенькую тропку, ведущую к кручам. Идти по ней можно было только одному им, в крайнем случае, вдвоём: настолько узка была она. Юноши и девушки чуть не бегом стали спускаться под гору к реке. Как-то само собой получилось, что Сергей взял Лизу под руку, и они, отставая от других, пошли молча.

— Чур не отставать! — раздался где-то впереди озорной голосок Жени Морозовой; там, в просветах редкого парка, мелькали тени удаляющихся людей, слышались смех; спустя минуту — другое всё смолкло.

Сергей и Лиза шли некоторое время молча, Девушка не задавала ей иного вопроса; когда Сергей ниско не посмотрел на её лицо, глаза её, чёрные, широко открытые, горели.

— Встретил на днях Семёна Ивановича, — прерывая молчание, проговорила Лиза. — Старик обижается на нас, забываем его, редко заходим...

— Принимать, всё как некогда... Новый цех металлопорошковой монтируемо... оборудование, машины получаем... Каждый день новые люди, новые дела...

Сергей хотел было рассказать Лизе обо всём так подробно, но он боялся: а вдруг Лиза подумает, что он хвастает. И в самом деле: разве он, Сергей, комсорг цеха, мастер по покрыванию, — такой уже важный человек, что каждый день ему приходится принимать новых людей, осваивать новые машины? Нет, конечно. Люди, работающие в его отделении, — в основном кадровики; машины — пока старой конструкции...

Сергей улыбнулся: люди пожилые, а новые, машины старые, а другие... Ему вспомнилось, как несколько дней назад, придя в цех, он увидел работницу Нину Яковлену Ивановну, которая лет двадцать уже занималась galvanизированием ножей и вилок в открытых ваннах, — привялка, казалось, ко всему, — и вот он увидел её в необычном наряде: фартук белый, завязки, на голове цветастая косынка. «Хватит, говорит она, работать по старинке, смотри, как мне идти, а она, как дитя, чистоту и внимание любит...»

Вспомнилось ему и знакомство с парторгом. В обеденный перерыв подходит к нему молодой, чуткий, постаревший годами парень, здоровячок. «Илья Зуев», — говорит, — парторг цеха. — Сергей подал тебе удивленные глаза. Ведь мы как привыкли: раз парторг, то это человек средней между Шульгой из «Молодой гвардии» и дедом Маляза из «Родной реки»: уст, борода и непременно улыбка в глазах. А тут — молодой рабочий в синем комсомольском, но довольно опрятном комбинезоне; смотрит немного усталю, но серьезно, без улыбки. «От Комсомольца!» — говорит. — Очень хорошо. Названного мастера ученик. Комсомолец!» «Комсомолец», — ответил Сергей. «Давно!» «С сорок шестого», «Очень хорошо. Познакомился с нашим секретарем?» «Нет», «Плохо», «Почему плохо?» Засмеялся, но его не было видно. «Плохо у нас с комсомолом», — сказал парторг. — Работы с молодежью почти никакой нет. Придется тебе внимательно присматриваться, помогать и секретарию комсомольскому и мне...»

Сергею хотелось также поделиться с Лизой ещё двумя большими событиями, происшедшими за этот год в его жизни. Ему хотелось рассказать о том, что предложение его о введении в техникум нового типа разрабатываемого конвейера, над которым он работал ещё в училище, принято. Цех покрытый завод увеличил теперь производительность вдвое... Ему хотелось рассказать, что он теперь...

Но Лиза, опередив его, начала говорить о себе, о своей работе в артели, о своих подругах. Говорила она просто, но рассказывая, то обращаясь к Сергею с вопросом, и получалось так, будто они только недавно расстались и теперь, встретившись снова, спешат поделиться виденным, услышанным, пережитым...

— Лиза! — вдруг проговорил Сергей. — А меня, знаешь, кандидатом в партию приняли...

Девушка пожала ему разгоряченную руку. И от этого тёплого, непосредственного рукопожатия Сергею стало как-то совсем легко с ней. Ему стало радостно за себя, за неё, что она поняла всё, за этот чудесный весенний вечер. Почему-то хотелось говорить о большом, давном, о мечте; хотелось рассказать и о товарищах по обществу, по работе и о том, какими друзьями, веселой семьёй живут они. — Знаешь, о чём я думаю, Лиза? — говорил он. — Сегодня, мне кажется, мало бы просто мастером, просто комсомолом... Надо быть очень хорошим мастером, хорошим комсомолом. А для этого надо учиться... Я пошёл в вечернюю школу... Окончу её — поступлю в техникум, а там дальше, может, пойду и в институт... Мне всегда хочется быть впереди жизни, увидеть чуть подальше сегодняшнего, заглянуть в будущее... Поэтому приду домой, поздно уже, а вновь смеюсь за себя... Давно в Варе инженер соборил механические ванны, а мне уже не спится, хочется поехать, посмотреть... Вот мечтаю в Москву ещё съездить... Есть дело...

Увлечённый этой беседой, они не заметили, как вышли на берег Оки. С зловещих лугов дун свежий ветерок.

Товарищи ожидали их, стоя над самой кручей. В темноте, на фоне голубящего разлива реки, фигуры их были ясно видны.

— Долго бродили они; зашумели верхушки деревьев, косяк валившего ветра, пригнала река, услышавшая в тишину уснувшей ночи, а они всё ещё не хотели расставаться, будто боялись, что, расставшись, не доскажут друг другу главного. О чём только не говорили юноши и девушки, о чём не мечтали... Они, наверное, не однажды подходили к самым кручам, но только в тот миг, когда за дальними переясками внезапно заблуждал вечерний рассвет, остановившись здесь, на высоте, поразившие величественной, необозримой картиной, открывшейся перед ними.

Река, освободившаяся ото льда, несла свои воды легко, спокойной. За её баргорове-розовым разливом широкой лентой лежал над пугами туман, но странно! далим блестя, переливаясь, искрилась в лучах солнца, которое ещё не встало, но уже несло с собой на землю новый день.

— Смотрите, видится-то как далеко!

В своей семье

Семья большая. Садится за стол один спохватывается человек, а ещё и гости: местные, павловские, и приезжие. Венедикт разливает стол так, что приходится ставить его на углах, по диагонали. Хлопочет у стола мать, Вера Алексеевна, с дочерью Августой, на кухне орудует жена Венедикта, Серафима, ей помогают жены других братьев.

В ожидании обеда проводится шахматный турнир двух братьев — Меркурия и Бориса. Венедикт и Дмитрий — окулдаты. Хорошо играют, Борис обожает феррей по герал качеству, но преимущественно всё же на его стороне. Меркурий пытается свести игру вынуждено. Все молчат, курят. Из столовой, где стоит большой концертный рояль, несется нестройные звуки. Это Ирина, дочь Венедикта, пробует со своими двоюродными сестрами голоса. Нестройный детский хор, веселый, озорной, слышен во всех комнатах.

В доме шумно и празднично. Мать оглаживает стол и присаживается в кресло передокуты; значительно шумит дети, и вообще, особенно в эти дни, когда все собирается. Но как ни устаёт Вера Алексеевна, а целый год ждёт этого события. Начинает ждать с весны, как вскрыется Ока. Всегда сама наплет дочери, сыновьям, невесткам, какой нынче паводок, какие виды на урожай, какие ожидается уроны рыбы на Оке и на Клязьме, и будет ли год аблочный, и сколько весной в первый раз зацветёт лимонное в них в доме. Сыновья отвечают, что с отпусками трудно; у Бориса в Вильяусе должна быть районная партийная конференция; у Меркурия на кафедре в Казанском университете экзамены со студентами, и закончится они лишь в конце июня; Августа с мужем у себя, в Богородске, готовится в аспирантуру. Всем некогда, но три мать беседует с уславленным день, все собирается. Вот тогда и настает тот хлопотный и беспоконный, но вальдованный необычайной радостью месяц, о котором всегда так мечтает мать.

Вот одна из семейных фотографий семьи Ипполитов. В первом ряду (слева направо): Т. В. Ипполитов, её дочь Инга, мать Вера Алексеевна, Мира — дочь Венедикта. Во втором ряду: Меркурий, И. Тузова — подруга Меры, Серафима Сергеевна и Венедикт.

В выходной день, после обеда, иногда собирается семья в большой комнате послушать музыку.

Письма домой. Вот открытки от Меркурия, от Бориса, от Августы с видами Казани, Вильяуса, Горного.

«Много нас, Копыриных! — с гордостью думает Вера Алексеевна. — А все в люди вышли: кто инженером, кто ведомым в стаде. И невестки не отстали, внуки тоже учатся».

И где бы они ни были, её сыновья и дочь, пусть у каждого на них есть своя семья, но знает мать: семья Копыриных — единая, крепкая, дружная семья. Раз — два в год выезжает мать к летним: то в Вилькуе, то в Казани, то в Богородске. Бенедикт называет эти поездки «срешней». И всегда мать привозит приятные новости: в Казани невестка Тамара защитила кандидатскую диссертацию в медицинском институте; внучка Инга сдала успешные экзамены в этот же институт.

Пока обе готовились к экзаменам, в их доме распоряжалась мать. Она будила поутру Ингу, Тамаре не разрешила слишком поздно засыпаться. И потому, что завела всем в доме и в саду на распорядок дня, не разрешая невестке даже помочь по хозяйству, — потому с достоинством разделяла и радость. Она усевала хлопком и другой невестке, жене Меркурия, которая готовилась к государственному экзамену в том же институте.

— Ну как, мама, провела ревию? — спрашивает дома, в Павлове, Бенедикт. — Что удалось пропернуть там, в Казани?

— Ревию-то ревию, — отмахивается Вера Алексеевна, — а ты лучше скажи: что за медаль новая завелась? Куда все черенки мои лимонные подевались? Мне они нужны были: хотела академиком Писну послать на пробу. А ты лучше скажи: всё вошло в норму, — шутит Бенедикт, — хозяйня вернулась...

«Медалью», о которой говорила Вера Алексеевна, оказалась большая медалью стога. Его поставил Бенедикт.

Бенедикт Александрович Копырин — мастер-лекальный завод автофакторного инструмента имени Жданова. Он один из лучших рационализаторов. Пока мать отсутствовала, он работал над технологической картой нового штампа, сам рассчитывал, сам чертил. Но методу Копырина штампы можно будет делать на меньшем количестве станков и с меньшими затратами. За рационализаторскую работу и за обучение молодёжи в лекальном деле Бенедикт Александрович в прошлом году получил правительственную награду — медаль «За трудовую доблесть». Его поощряли и премиали. Он написал письма от своих учеников из всех автомобильных заводов страны.

Письма. Каждый день у маленького домика на улице Кюльбана, 19, остаётся неизменно почта. Каждый день — пять, восемь, десять писем. Вот и на этот раз: десять писем и один открытка с репродукцией картины «Ленин в Казанском университете». Это специально Ирине от дяди Меркурия. «Поздравляю тебя, Ирочка, — пишет дядя, — ты шницерка, а шницеры — это ленинцы, передаёшь ребята. Надо во всем подражать Ленину: и учёбе, и труду, и борьбе. Это Ленин сказал: учиться, учиться и ещё раз учиться». От Меркурия пришло и письмо: «Здравствуйте, Вени и Симя! Получил ваше письмо в воскресенье.

СЕМЬЯ

Это один из экспонатов Павловского городского музея. Кажется, будто именно про эту семью писал в своих «Павловских очерках» В. Г. Короленко:

«Когда мы, согнув головы, вошли в эту избушку, на нас испуганно взглянули три пары глаз, принадлежавших трём крохотным существам».

Три женские фигуры стояли у станков: старуха, девушка лет 18 и маленькая девочка лет 12. Впрочем, возраст её определять было очень трудно: девочка была как две капли воды похожа на мать, такая же сморщенная, такая же старенькая, такая же паразитично-худая.

Я не мог вынести её взгляда... Это был буквально маленький скелет, с тонкими руками, дергавшим тяжёлый стальной напильник в длинных костлявых пальцах. Лицо, обтянутое прозрачной кожей, было просто страшно, зубы осклаивались, на щеке, при поворотах, выступали один сухонький... Это было маленькое опустошение... голод!».

Да, это была просто-напросто маленькая голодная смерть за рабочим станком. То, что зарабатывают эти три женщины, едва хватает, чтобы поддерживать искру существования в трёх рабочих единицах кустарного села.

У нас, как и у вас, наверно, много разговоров о снижении цен. До чего же здорово! Я уже и прикинул: это вы выигрываете рублём четыреста в месяц, не меньше! Какое пальто купили Ирочка? Планы насчёт радиоприёмника одобряю. Сообщай, какой решил купить. Летом, как только кончу экзамены со студентами, приеду домой».

Остальные письма — на имя Серафима Сергеевича. Ей пишут директор Всесоюзного института растениеводства и курсант военного училища, агроном из Шумки и корреспондент районной газеты в Красном Холме, директор конторы связи из Пугачёва и начальник отдела живой заготовки управления Литовской железной дороги.

Серафима Сергеевна просматривает конверты и первым вскрывает конверт с трёхугольным штампом военной почты. Наклеено письмо от Георгия, её повстанника!

В годы войны Серафима Сергеевна организовала на своей усадьбе совет матерей. Во многих местах

матери работали на производстве, и дети оставались дома без присмотра. С этими детьми и вела воспитательную работу Серафима Сергеевна, а подчас кормила и обшивала. «Тётя Симя» — так просто называют её в городе.

Георгий пишет: «Здравствуйте, Тётя Симя, наша любимая воспитательница и чуткий товарищ нашего детства!».

Её бывшие интимомы — уже взрослые, самостоятельные люди. А поминуте, этот Жорик всё пролив прочитав книжку, всё учил стихи Микалюкова, а теперь он...

Серафима Сергеевна продолжает читать: «Как имел один ночной вылет. И когда мы летели, и всё время вспоминала нас, я знала, что где-то далеко-далеко спят мои земляки, труд, жизнь и спокойствие которых мы будем оберегать...».

А остальные письма? О содержании их Серафима Сергеевна догадывается: насчёт лимонной. Лет восемьдесят назад кто-то заблел в Павлово лимонные черенки. Они отлично прижились и ши-

роко распространились. В каждом доме, в библиотеке, в школьных классах, в заводских лабораториях найдёте вы это благоухающее мучозелёное растение и на нём огромные плоды, иной весом граммов в шесть пятьдесят — триста. Цветы бледнорозовые, с тонким, нежным ароматом. Странное дело: лимон всегда считали съестливой культурой, а тут — растёт везде. Академик Т. Д. Лысенко считает, что лимон «павловский» представляет собой необычайную форму цитрусового растения, пришедшего к существованию в условиях небольшого освещения.

Эти-то знаменитые «павловские» лимоны и разводит Серафима Сергеевна Копырина. Она ведёт интересные наблюдения, вырашивает десятки черенков, которые раздёт приезжающим в Павлово любителям садоводов.

Вот и сейчас на подоконниках стоят миниатюрные парнички. Где только не зашепчет эти лимоны! Где только не вопиют Копыриных, простых советских трудолобных людей!..

ТАКИМ БЫЛО СЕЛО ПАВЛОВО-НА-ОКЕ

Зарисовки В. Г. Короленко

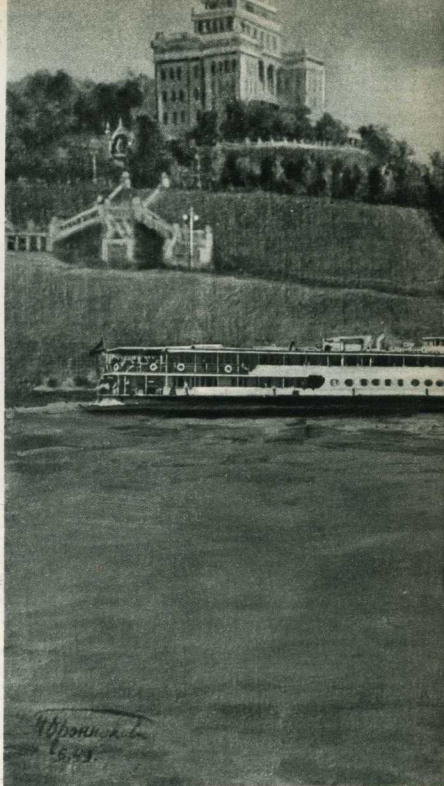
Тимохина гора.

Кустарь.

На Фроловой горе.

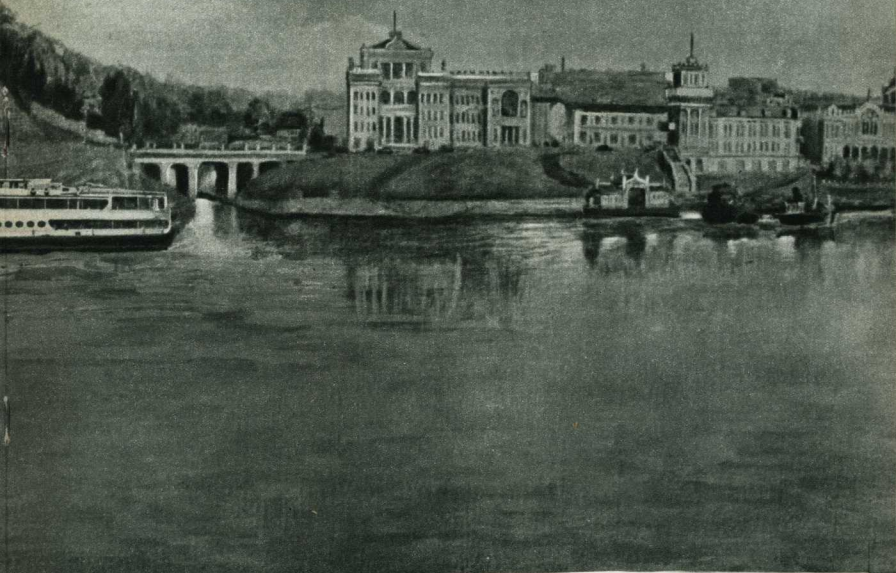
ПАВЛОВО СТРОИТСЯ

Павлово строится. Помимо заводских цехов, в промышленных районах и в центре города вырастают корпуса больших каменных домов для рабочих и инженерно-технического персонала; обзаводятся новыми, уютными домами с резными маршизами и тенистыми садиками сотни индивидуальных застройщиков. Чем краше и замечательнее становится жизнь, тем больше появляется таких домов: в 1947 году было построено 19 домов, в 1948 году — 33 дома, а в 1949 году — уже 55 домов.

Вдоль тротуаров высаживаются ряды многолетних деревьев. Пройдет несолько лет, и вновь неузнаваемый станет Павлово. В проектных мастерских города Горького архитекторы уже работают над проектами будущего Павлово. Город из конца в конец перестроит новые, широкие и просторные магистрали. Центральная площадь украсится большим красивыми зданиями. В бетон обденется рива Тарна, великолепная набережная будет построена у Оки. Ярким цветочным ковром зацветут скверы и бульвары, зашумит зелёная листва тысяч деревьев, которые высаживаются во всех районах города и в рабочих посёлках.

Методами народной стройки в текущем году будет построен городской стадион на 10 тысяч мест. Скоро войдёт в строй новая узкоколейная железная дорога Павлово—Лесуново, которая соединит с городом район торфоразработок и отдалённые сельскохозяйственные артели.

Картина художника М. И. Бронникова «Социалистическое будущее города Павлова». Выставка самодельных художников Горновской области 1949 года

Центральная площадь города Павлова (один из вариантов эскизного проекта).

Звелина ГОРЕЦКАЯ,
инженер

ДВА

...Да. Я прискала домой. Ещё год назад я, тогда студентка Куйбышевского индустриального института, ашциала дипломную работу «Проект инструментального цеха». Поиной, председатель государственной экзаменационной комиссии главный инженер Куйбышевского станостроительного завода И. К. Яновлев, поднявшись, тепло поздравил меня и сказал, что охотно бы взял меня на свой завод. Мне, конечно, хотелось бы остаться в Куйбышеве, где я училась, где жила у меня семья, но тогда было распределение, я получила назначение в город Павлово-на-Оке.

Признаться. Что за город? Какие там заводы? Вероятно, придётся работать в какой-нибудь небольшой артели? Есть ли в городе театр и другие культурные учреждения?..

И вот я в этом городе. Завод автотракторного инструмента имени Жданова. Цех, в который я пришла, построен в годы сталинских пятилеток. Это передовый современный завод, превосходно технически оснащённый. У нас в инструментальном цехе имеются десятки новейших станков, в которых воплощена передовая техническая мысль.

Вначале я работала технологом режущей группы. Мне приходится вместе с коллегими товарищескостростниками конструировать режцы и приспособления для скоростной резания. Недавно меня назначили заведующей сектором внедрения новой техники. Это очень интересная, самостоятельная работа. Я теперь чувствую, что связана с коллегами цеха. У меня появились много друзей и подруг. И цехе у нас активно работает комсомольская организация, которой руководит рабочий-изобретатель, Волода Илютин. Много друзей у меня и по драмкружку.

Часто я бываю в театре, в кино, но всамом случае, не реже, чем в Куйбышеве.

У меня было твёрдое намерение провести свой отпуск в Куйбышеве, но летом здесь, у Оки, у взрослых осленно берётся, так хорошо, что я нигуда не поехала, тем более что ко мне в новую квартиру, полученную в заводском доме, переехала мама.

И стала настоящей павловчанкой и горжусь этим.

БЕСНА

Над Павловом снй круговав.
Дома снеговой близини.
Опять у земли вырастают
Зелёные крылья весны.
Сроднились в потоке шумливом
Весна, старик, молодёжь.
Разлиа. И блесит под обрывом
Ока, точно павловский ном.
И стоило лучистого света,
Что кивается, сойма весной
Заблито другие планеты
И светит Земля лишь одной,
Одной лишь Отчизне Советов
И городу над Окой...
Медлительный сумрак крадётся,
Но кивается, вечера нет.
Как будто над Павловом льётся
Крепильский рубиновый свет.
И плещутся флаги знамено,
И воздух распорот гулком
Над каменным зданием горнома,
Над бышим кустарным селом.
г. Горышии.

Василий ФЕДОРОВ

МАСТЕР

Три года живу я в столице —
Люблю я столицу, и вот,
Когда она все озарится,
То чем-то налитый завод.

Припоминается город, мне близкий,
И тут же представляется мне:
Летят автогенные брызги,
Скользят по кирпичной стене.

И вдруг ни с чего затоскую,
Да так, что сдержаться нет сил,
И вспоминаю тогда мастерскую
И цех, где я мастером был.

Представляю на мг лишь единый
Пролёт больших корпусов,
Бульдозеров гурты сномы
И вздох чугунных прессов.

Рабочим —
За именем мая
Приходит минута такой...
И вот я представляю, что с ним
Работает мастер другой.

И, может быть,
Так, между прочим,
Хорошую память храня,
Ктои-нибудь старый рабочий
Или говорит про меня:

Москва, мой, кому не приснится!
И он-де, управный такой,
Уехал за песней в столицу,
А песня живёт в мастерской.

И скажет ещё,
Что теперь я
Решим поупиться и сам,
Охотно уйду в подмастерье
К московским большим мастерам.

Тогда неизбежим желаньем
И верой наполнится грудь,
Что я свой прежние званье
Сумею обратно вернуть.

Нижний снимок «Смена» опубликовала год назад. Вы видите, как председатель экзаменационной комиссии Индустриального института в г. Куйбышеве поздравляет студентку Звелину Гордецкую с отличной защитой дипломного проекта. Сейчас инженер Звелина Гордецкая работает на заводе им. Жданова в Павлово-на-Оке.

Пока было не совсем так, как представлялось дома, в Ярославле, в день получения диплома.

В то утро они с Натальей окончательно отказались от мысли остаться на работе в своем городе, хотя такая возможность была,—очень уж хотелось другого, нового, самостоятельного, особенно Вале: это же целое счастье, когда тебя из-за маленького роста вечно считают какой-то девочкой!

Они шли из техникума домой в последний раз и, вызывая улыбки прохожих, привалялись громко पैт про то, что «каждый молоде сейчас в нашей юной, прекрасной стране», а Лида Зубарева смущенно одергивала их... Можно себе представить, как будут кривить на части молодые специалисты-инструментальщики, когда они придут в этот маленький городок!

Но, во-первых, оказалось, что завод гораздо больше, чем они думали: сразу же заступились среди корпусов. Самым красивым показался, конечно, инструментальный цех. Перед его входом в стремительно-беге застал на газоне бронзовый футбольст. А все дорожки и все здания были обсажены молодыми кленами. Их порывавшиеся лиственные листья светлились на закатном солнце, как фонарики.

Во-вторых, никто их не срвал на части. Предложили только прийти завтра утром к главному инженеру за назначением. А кто-то сказал даже, что, кажется, в инструментальном техник сейчас не нужны.

Было ещё одно, что и смешило и сердило Вале: все разговаривали с Натальей и Лидой, а на неё только поглядывали удивленно: видно, и здесь её принимают за девочку.

Пока они ходили по заводу, разговаривали, пока их конторы звонили в комнаты для приезжающих, чтобы их там устроили, совсем стемнело. Дом стоял далеко от завода, на горе. Поместили их там в разных комнатах.

Проснувшись Валею поздно. В комнате уже никого не было, только пустые, по-гостиничному убранные койки. Вале вышла на крыльцо, оказалось — её сразу само собой, что тревожило, заболела.

Под балконом, под крутым обрывом, в осеннем пламени седов, то взбирался на холмы, то сползал в низину, курится сизым туманом город, оползающий по склонам скалистой Оки. Над разноцветной россыпью кубиков-домов поднимались высокие фасады школ, сплюснутым бруском отсвечивая просини кровли новых зданий. По личинкам дальнего улич, слышались гудели, грохотные сутляные грузовички. На реке вразброд стояли баржи; в воде вставало дробился сурик их повоас. А за городом всевозможные выступы круч, подёрнутое дымкой, просторное, как небо, лежало Заречье, «и всё это стает мном!» — подумала Вале. Она засмеялась, сама не зная, отчего.

«Ничто нас в жизни не может вышибить из сознания».

Она напевала любимую строку на разные лады, вынимая связную кофточку, новые туфли и нарданое белое пальто. Наталья и Лида уже идяли её.

Затем девичьи разговоры развели кабинет главного инженера. Секретарша, узнав их фамилии, позволила зачем-то начальнику цеха арматуры Грекову, а пока его ждали, сказала, что главного инженера трое вывозят на трест, и он спешит, и хорошо, что они явились пораньше.

Скоро пришёл начальник цеха с очень молодой и, вероятно, поэтому очень строим лицом. Вале показалось, что на неё он смотрит особенно строго. Потом все вместе они вошли в кабинет. Главный инженер, седой и высокий, встретил их приветливо и, помолчав минут, поздравил с приездом. Видно было, что он спешит: разговаривая стоа, торопливо соваля в портфель бумаги и папки, трясая шляпу, нахлобачив на голову.

— Вероятно, это вас огорчит, но пока придётся поработать не в инструментальном, а вот в арматурном. Так! Вы принесли, Андрей Николаевич!

— Да,— коротко ответил тот и, взяв со стола дипломы, поглядел на

Георгий ДМИТРИЕВ

МОЛОДОСТЬ

Рассказ

ник, потом на девушек. — Дает техников нам нужно на арматурный участок: Зубареву и Клеючу. Что же касается товарища... — он залпнулся и поглядел на Валею. — Что же касается товарища Землянички, то я вижу возможность использовать её в цехе...

— Подождем,— сказал главный инженер и снова потрогал шляпу. — У вас же там с автоматикой что-то!

— Да, но,— Греков пожал плечами.— Мне это кажется целесообразным.

— В самом деле,— удивленно сказал Вале; от волнения и обиды у неё горели щёки,— я ведь не знаю автомата.

Главный инженер одобряюще улыбнулся:

— Все мы металлосты, все умники, как-нибудь разберёмся. Так! Во всяком случае, пока ничего иного мы не придумаем.

Он протянул руку, прощаясь. А когда девушки вышли, повернулся к Грекову:

— Почему вы возмущаете? Что случится? Ведь мы же всё время говорили о тресте!

— Хорошо, я скажу вам откровенно,— нехо-

тя начал Греков. Если бы она ещё была специалистом по автоматике. А так — зачем мне этот ребёнок! Ну, как можно поставить мастером участка девочку, подростка! Какой у неё может быть авторитет!

— Этого ещё слишком мало, чтобы судить о человеке,— сказал главный инженер. — А диплом у неё отличный. — Вы увидите,— не слушая, продолжал Греков,— через неделю посыплются жалобы и работа не та, и не помогают ей, и условия ей не созданы. Да она уже и сейчас работать не хочет, вы же слышали...

— Ну, до моего приезда пусть поработает, а там посмотрим. Кстати, сколько вам-то самому лет?

— Двадцать шесть. А что? — намного терпеливо спросил Греков.

— Ну, вот видите! — добродушно сказал инженер и, надев шляпу, взял Грекова под руку и вышел из кабинета.

2

Вале вспоминали: нужно поспорить кого-нибудь из комсомольцев, чтобы пошёл с Андреевичем и проследил, купит ли он себе валенки. Андреевич — человек, посыпавший жалобой и работа не та, и не помогают ей, и условия ей не созданы. Да она уже и сейчас работать не хочет, вы же слышали...

Она оставила автомат и, распорядивсь мокреть от эмальных пальцев, пошла в контору, где висело письмо о выезде в командировку. Наступило зеркалье. Пошла перед ним прическу, улыбнулась: недавно ей признались, сколько шуток и смехов вызвало это зеркалье в первые дни.

Она прекрасно помнит их, эти первые, беспомощные дни, когда её судя попутельцы. Тогда болел мастер и не было наладчика. Двое ребят-ремесленников «пекли» на ятридцать шестые лады. Андреевич, стаяком, валила. Намучено вечером, лихорадочно листая «Каталог станков-автоматов», она лучше всего запомнила станок под номером «4» и, став к нему, принялась за ролик. А через час у одного из ребят Андреевич, стаяком, валила. Она пошла прямо к начальнику цеха просить наладчика. Он с нескрываемой насмешкой смотрел на её нардяный халатик и вызывающе залопанный берет, халатик, взял трубку, позволив, чтобы на час прислали наладчика с другого участка.

После гудка Вале разговорились с наладчиком. И как раз, когда она расширяла о театре, кино, незаметно подошёл и остановился, иронически прислушавшись к Греку. Вале, смутившись, умоляла. Начальник цеха строго заметил, что валенок и роликго заготовили слишком много, а осей затая на сборке опять жевалит. Наладчица ушла, а Греков стоая и насмешливо рассматривая станком. Вале где-то посидела на своей халат. Вале казалось, что и другие поглядывают на неё с насмешкой.

Наконец Греков ушел. Вале, сбегав в контору за каталогом, стала возмущаться с комсомольским станком. Но ничего у неё не вышло.

— Ну что вы его дёргаете! — раздался вдруг около неё грубоватый голос. — Не так... Это же не шпиндельный. Густевка!

То был шпифовичик Бондарев, перторг,— широкоплечий, большерукий, с жёсткими морщинами в углах глаз, с жёсткими седыми на висках волосами. Помогая, он всё время ворчал, поругивал автоматы вообще и этот в частности: он знал их, видно, не лучше Вале. Но без всякой просьбы человек остался с ней после гудка, в пустом цехе; кажется, от одного этого, от одной его спокойной ворюиной становились понажнее и послушнее оси, кодуны и шестенки. А кроме того Иван Герасимович Бондарев неизменно отступал уже знал, что она инструментальщица, приехала из Ярославля, что у неё в техникуме не было специального курса автоматов.

— Ничего,— сказал он, вытирая руки. — Эту штуку нам знать не вредно.

Думаю, что автоматика будет играть всё большую роль в каждом цехе... А вы почитайте-ка книгу академика Коваленкова по автоматике мин вот Попова.

Вале подняла брови:
— А говорили, что не знаете этого дела.
— Практически стлаиваются не приходится — коротко ответил Иван Герасимович.
Уходя, он тоже поглядывал на заспачившегося Валу. Вале покраснела его неловкость была бы больше всех других. Но он, покачив головой, сказал только своим ворчливым тоном:
— Да, ничего не поделаешь, уж больно масла много. Трудно культурный вид сохранить.

На следующее утро Вале Вала в цех в том же халате, нарядном и чистом. В тот день она ближе познакомилась с Андерсеном — маленьким, непоседливым, смущённым парнишкой, тем самым, у которого вчера отказал автомат. Рассказав всё, что знала сама, Вале поспорил с ним, что он не справится с двумя автоматами сразу, и, конечно, к вечеру Андрейка работал на обоях...

...Теперь всё это должно поладить. Сборка никого на неё не жалуется, главный малявик хвалит ствипа, получив у ревизионщиков стали больше, сама одна консорси, и много комсомольки в цехе научилась работать так, чтобы не сваять лент на штыле по её емоделю халаты...

Один только начальник цеха попрежнему будто не замечал ни её, ни работы участка Иван Герасимович говорил про него, что это один из лучших специалистов по кузовной арматуре, но от этого становится ещё обиднее. Вле вчера опять разговаривала с ним, прошло уже две недели, как мастер Маркушев вернулся после своей затяжной болезни, а დამამ здесь, на участке, делать нечего. И опять ничего толком Греков не ответил.

Вале не знала, что и Иван Герасимович говорил Грекову: ярославские, мол, не при деле. Но то только всплынуло: «Сам знаю...»

«Видно, в ошкибке сознается неохота...» — подумал Иван Герасимович. — Ну, да ладно, пусть сами между собой управляют: оба украинцы. А поборются характеры друг об друга — лучше блещать будут. Вале же он посоветовал выступить на совещании молодых специалистов.

В клубе, в зале второго этажа, было прохладно. Вале села у окна. За тёмными окнами были видны верхушки оголневших ветвей, ставших в не позимнему сырым воздухе. В этой рамке сцены, за столом президиума Вале разглядела много новых, незнакомых лиц. От волнения она плохо понимала, что говорит секретарь комсомольской организации. Только постепенно его спокойный голос стал доходить до сознания.

Всё, что он говорил о молодых специалистах на заводе, было верно. Не сразу и не всем смогли использовать по специальности, большинство молодых в общем оправдало себя, встречались трудности, но есть ещё и сейчас. Но всякий раз, когда Вале издавала, что он скажет о ней, о Наташе, о Лиде, секретарь переходил на проценты.

Вале досаждало утверждение к ому. По сильному стемну движались, поладили тем голые ветвей; должно быть, поднимался ветер с Заречья. Тем бегали всё светлейшая и бесполокней, всё труднее было уследить за ними... И вдруг секретарь встал.

Первое, что Вале увидела, был устремлённый на неё взор Бондарева. Он кинулся ей, повывая бровями в сторону трибуны. Вале поднялась, ухватившись половодными пальцами за спинку стоящего впереди стула...

На сцене было совсем душно. Наклонившись к сидящему рядом, порозовевшему не то от тепла, не то от волнения Грекову, главный инженер:
— Ну, прямо как по-испаному, слышите? В точности, как вы говорили: «Работа не та, условия не созданы...» — в глазах его вспыхнул острый, неслаженный огонь: — Прорки! Исповедать, что бы только было за это поблаженка дедели, пока ваш Маркушев болел!

3

Наконец-то по-настоящему установилась зима, со снежным хрустом, с плещомаем от инее ветками на голубом небе.

Сегодня, в воскресенье, первый раз была на катке. Вале хотелось встать, а ей не Вале решила пойти на премную квартиру за недавно купленную мелочью, второпал, на заработок забытую при переезде в общинности. Штупа вил, после перекопанной гостиничной жизни, после трески большой, светлой кабинату в нескольких шагах от завода, в только что отстроенном доме для молодых специалистов.

Наталья и Лидя увязали за ней. Они шли, болтали о чём придётся. Вале рассказала как сдурела волновалась, когда её после того совещания вызвал к себе главный инженер: «Справится ли Валё с двумя контрольным малявиком? Если бы Валё за эти две недели, что вернулись с Маркуша, она обладала ося уместки, чтобы время не пропало даром. А Лидя с Натальей на той неделе переводят в инструментальный.

Потом Наташа стала уверять, что сама инженер Греков раза три подходил к валяной конторке. Подойдэт, нахмурился, вздохнэт и отойдэт.

Он теперь тоже не начеваство, можно и влюблённо — сначала сказала Лидя —
— Нет, тут другое! — Наталья доск высказала вперёд, лицом к малявик, как шюльщница.
— Вот увидишь, завистники придёт...

Должны до свободы. Здесь, говорю, будет окончательный термос... срубаются и набежриной. А пока улица короу брала в гору, по старинке завивались среди бревенчатых, с резными налешниками, будто приятных домиков. На двухэтажных крышах лежали пуляне снежные комья, несерьезно скрипели на льду сосульки. Здесь было тихо, только малявнички на конках лыжи летели с крутизна. Один из них, что то кричал Вале и махал варежкой. Тотчас же пропалась, едва не сива её в нос, она узнала Андрейка Александр морозным огнём, треп очтачно разлетался по ветру. Сложная конструкция из верёвок и колышков припутала ржавые снегурки к ногам малявнички.

Тётка Василия, комендант, обрadowалась предвкушению: «Стало здесь скучней, наряду куша меньше, хотя и хлопот тоже меньше...» — жаловалась она. Звала зятти, но деашушки, поплывшие поплывшие к конкам лыжам городом, голубизной крыш, прямыми розовыми дымами. А Василия, захлопувшись в тёплый линок, стояла рядом и говорила:

«...и лед ещё весел, в полове...» — море да морозы... — частенько кричала она, то и тольк... до своего крика. А как закружил одною берегу, по кручам, яблони да вишни! Одного угла членилого скокло!

Вале вспомнила свой проезд. «Вот всё это и стало момал» — с гордой радостью думала она. Ея захотелось побольше прыгнуть, крикнуть. Она сорвала ремешок с конков, села на ступеньку, скинула валенки.

— Ты что, сумасшедшая! — испугалась Лидя. «Конь с кучки, как Андрейка! — крикнула Вале, шурову ботинками заломанными от холода пальцами. Она встала, розова и задорная, в съехавшей набок шапочке, и ядрю увидела около себя Грекова, неизменно незнакомого в шалеце и шубе, с переломными на рюмашке челе прямо конкам. На морозе его лицо казалось ещё моложе. Сейчас он совсем не был похож на требовавшегося начальника контрольного склада у бровей непослушно расплывалась.

— Вале, я хотел... я думал застать вас на катке... — голос тоже не слушался. Вале даже стало чутюкно жалко его. — Теперь, когда вы... — Теперь! — она глядела на него задорно и, хоть очтако хотелось узнать, о чём он скажет, крикнула тольк: — Донгайте!

И рывком, ваяжрик снег, понеслась к кружи.

Львы из Павлово
Иван ОСИПОВ,
автор Павловского драматического театра
имени Горького

Из театра

На фронте в перерывах между боями, заросшая землина, я часто видел перед собой многоглазую черноту зрительного зала, но такое я никогда не видел. Не потому что реальное ощущение — забил текст! Мне действительно хотелось говорить, а ты не мог вспомнить не только текст, но даже письма, которую играю, костюма, который должен надевать, грима, который должен наносить. Промыслился, никак-то мгновение я был занят своим волнением близости любоного б

Ради, окружающие меня, мои товарищи, их характеры, повадки давали исключительный материал, который, несомненно, обогатил впечатление, посылал мастерство актёра.

Во Вильноской театральном училище я всего лишь год играл на сцене Павловского драматического театра имени Горького. Стремление к сцене возникло в детстве. Хотелось бы передать тому назад, когда я был слесарем на Горьковском автозаводе, мне удалось посмотреть незабываемые, волнующие спектакли Московского Художественного академического театра. Их знаменитый актёр Вархолом захватил меня, увлекла, я всем сердцем тогда полюбил театр, в первую очередь силу театрального искусства.

После окончания театральной школы я приехал в Павлово. Промысловая сейчас стареющая промышленность, и не так развито театральной и не шёлущей музыки: «Искусство на одну историческую высоту привнесло то, что краснело чувствами и восторгало себя».

Эти первоосновные слова принадлежат В. И. Мейнхольдскому, выдающему деятелю русского советского театра. Он глубоко запали мне в душу. Любовь к своей Родине, к своему театру, к своему искусству открыло моему сердцу, делают его труд сильнее и богаче.

Сперва мне казалось, что в Павлово я не смогу найти творческую среду; старое театральное искусство здесь уже не так сильно заслоняло действительности, но я, и кому-то счастье, обшнёс. Театр в нашем городе за 25 лет своего существования превратился в мощное орудие коммунистического воспитания трудящихся. Мы в городе бережно сохраняем традицию: иметь полную, творческую среду, постоянно находимся в состоянии роста, развития, не довольствуясь искусством актёров, постоянно находимся и тому, чтобы наша работа была не хуже игры актёров столичных театров.

Коллектив нашего театра работает дружно, чутко прислушивается к голосу зритель. Вле Павлово, как и все советские зрители, не только истринуют, но и понимают то и глубоко понимают его идеино-художественное качество. Мы существуем благодаря правдивости образов.

Наш театр став коллективные воспитательные задачи, особенно молодёжи. Молодёжь, чие заведов, актёры, учащиеся режиссерских классов, театральные педагоги, постоянно внимание зритель привлекают пьесы на современные темы.

Важно отметить рост нашего зрителя. Мне на нескольких конференциях зрительных прикословие слышал, что интересующийся посетителя театра, работника районнойномат офицера тов. Мартинова. Если раньше он, говора, что театральная пьеса, больше интересовался сюжетной линией произведения, то сейчас его замечания основаны персонами, но сейчас его замечания основаны также не только на этом и даже не на развитии игры актёров, но и на глубоком, глубоком и стремление оценить, по возможности, правильность решений того или иного спектакля.

Знаю я также шлифовщик завода имени Сталина тов. Валентина. Если раньше я слышал от него: «Мне нравится то-то в спектакле, мне не нравится то-то», то теперь он разбирается не только в характерах и поступках, но ищет причины этих поступков. Когда у меня спрашивали, почему зрители приходят в театр с просьбой дать задание актёрам, я говорил, что зрители спектакля уже со своим своим своим своим спектаклем.

Наш Павловский театр, как и всякий другой в театр страны, имеет своих зритель. Но мы стремимся привлекать к театру новых контингент зритель, которые раньше редко ходили в театры. Мы поставили перед собой задачу: жить в наше горничное время и трудиться на одной из важнейших фронтов борьбы за торжество коммунизма.

Павловский драматический театр имени А. М. Горького
ИМЕНА А. М. ГОРЬКОГО
 в Павловске

Литературно-художественная редакция
А. СУРОВ
ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА
 Советские драмы в 10 издании

Сибирские драмы
 Александр И.
 Александр И.
 Александр И.
 Александр И.

Д. РАЗМАНОВ.
Бесполокная старость
 Пьеса в 4-х действиях

А. И. Островский
„БЕСПРИДАННИЦА“
 Пьеса в 3-х действиях

А. И. Островский.
**НЕ БЫЛО НИ ГРОША,
 ДА ВДРУГ АЛТЫН**
 Пьеса в 4-х действиях, 5-ти картинах.

А. Софьянов.
Московский характер
 Пьеса в 4-х действиях

Фр. Шаллер.
Коварство и любовь
 Пьеса в 4-х действиях

21 декабря 1947 г.
МАКАР ДУБРАВА

В Павловском драматическом театре имени А. М. Горького. Сцены из спектакля «Сказка об Иване-царевиче, о матушке любимой, о земле родимой» Вл. Голдфельд и «Макар Дубрава» Александра Коренчука.

В детском доме № 2 города Павлова. Дети смотрят концерт самодеятельности (вверху).

Каждый вечер в Доме культуры Павловского завода имени Сталина занимается изостудия. На снимке (слева направо): студийцы Александр Воронцов, Виталий Гарабин и Ангелика Пчёлкина обсуждают набросок натюрморта.

Мне не было и десяти лет, когда я уже решила, что обязательно буду врачом. Помню, я сидела у постели больного отца. Приехал доктор. Отец проводил нас до палаты и посмотрел на врача... В этот взгляд я прочитала и грустное вежливое в искусство медицины, и безмерное уважение к практическому этой науке. В годы учебы я сохранила любовь человека, спастись извне — это может быть выше и благороднее этой профессии.

Окончив среднюю школу, я без колебаний выбрала медицинский институт. А в 1944 году, а дочь первого рабочего, уже с дипломом врача и с путевкой в Павлово.

Представление о городе, где мне придется работать, было у меня самым смутным. В сущности, все мои сведения ограничивались данными, переплетившимися из справочников и знаменитых «Паллооски» севернороботинцев. В годы учебы было сказано, что 1 октября 1916 года в селе Павлово явилась одна больница на 10 коек, один врач и три фельдшера. По простоте душевной я представляла себе, что и теперешнее Павлово — это большое село, в котором и в настоящее время в маленьких домишках без печей и пола, где живут кустарь-ремесленники.

Приехав в Павлово, я была приятно поражена: ничего из того, что ожидала встретить, я не увидела. Это был хотя и небольшой, но вполне благоустроенный город с широкими мощеными улицами, многоэтажными зданиями, скверами, садами; вместо пропавших кузниц и мастерских в углах — большие современные здания, вместо жалкой деревянной больницы — великолепная современная медицинская учреждения, которые не стыдно и в столице показывать.

Меня тепло, радушно встретил богатый, дружный коллектив врачей, как в родной семье. Меня научили, как поступать в качестве врача. Возглавляет его опытный, без сомнения — великолепный доктор Петр Николаевич Мановский. Для меня это была прекрасная практика. Я работала в отделе рентгенологии, а после окончания курса усовершенствования всецело посвящая себя делу борьбы с туберкулезом.

Нужно сказать, что моя работа сейчас сводится не только к лечению больных, но главным образом, к профилактике, и предупреждению заболеваний. Я веду наблюдения за здоровьем детей в яслях, детских садах и школах.

Об успехах своей работы я недавно прочитала доклад в научном обществе врачей нашего города, именем которого я состою.

Меня избрали депутатом городского совета депутатов трудящихся. Как депутат, с гордостью могу сообщить, что в Павлово сейчас имеется 224 медицинских работников, а в том числе 64 врача, есть 2 больницы на 335 коек, врачебных участков, 2 амбулатории и 2 поликлиники, диспансер, 2 санатория, физиотерапевтический, дезинфекционная и малярная станции, женская и детская консультации, молочная кухня и при каждом предельно — поликлиника или здравпункт.

Я всей душой люблю Павлово. Оно стало для меня родным городом, и, наверное, я ни за что отсюда никогда бы не уехала. Здесь есть все, что нужно для культурно-просветительной и содержательной жизни.

И много работой и как врач и как общественник, однако у меня совсем нет времени на другие дела. Значительную часть своего досуга отдаю чтению, спорту. Я увлекаюсь плаванием, гимнастикой, конечно, футболом, но тут уже только тогда успеваю поблизиться к ним, если последние посетители всех премьер, в нашем драматическом театре. Недавно меня познакомилась одна очень приятная и замечательная женщина с маленькой черной Леночкой, которая скоро будет пологра.

Людмила Павлова (вторая слева) вместе с пионерами рассматривает спички номер спичечной газаты.

ТВОРЧЕСТВО

Как только сойдёт снег и залезет вокруг Павлова роющий и зябучий, вперем или в выходящий день можно часто видеть где-нибудь над обрывом, у реки, группу молодежи. Различные плавающие, расставив подрамники, молодые люди наносят на рамаки или красками этикетки, делают зарисовки с натуры. Это обязательный выход на воздух участников художественной студии Дома культуры завода имени Сталина.

Студия создана сравнительно недавно — год назад. Помимо уже известных павловских мастеров искусств, как Бронников, Чукованин, Табакин, Лунонов, в нее входят молодые художники: рабочие заводов, артисты, учащиеся старших классов. Они отдают искусству свое свободное время.

Руководит студией художник А. Лобяковский. Здесь учащиеся получают хорошую подготовку по живописи и рисунку. Постоянное общение с советами более опытных мастеров очень плодотворно сказалось на идейном направлении творчества молодых. В этом отношении показательны работы студийцев, представленные на прошлогородской областной выставке самодеятельных художников в городе Горьком. Работы участников нашей студии тов. Бронникова «Социалистическое будущее города Павлово», Кузнецова «Встреча Героя Советского Союза», Лобяковского и другие получили высокую оценку и были награждены на Всесоюзную выставку народного творчества.

В читальном зале городского партайбата.

Александра Щербанина, врач.

Мне никак не довелось прочитать отзывы из доклада некоего докторица Шараго, в котором в Горьком, на съезде деятелей нашей промышленности, он говорил:

«В селе Павлово на 1420 рабочих кузнецкого завода приходится 209 поубрабоченных до 14 лет, 18-настойшей рабочей силы, пыль, оседающая на легкие, худоба, землистый цвет лица, всегда устойчивый бронхит, плачевнейшие общесоветские отношения».

И вот в наше время. Перед нами — четыредцатилетние, плачевнейшие летние подростки, дети рабочих заводов, артисты, пионеры. Все они, как на подбор: здоровые, рослые, красивые — настоящие физкультурники.

Недавно на бюро городаюкома состоялось заседание по подготовке к лету. Наши городские лагеря находятся в очень красивом месте. Это настоящие чудесные лесистые высокие сосны, мелкий пушистик, лесные ручьи. Недавно это — излюбленное место всех павловских художников.

В этом году мы на целое лето вывели за город более полсотни тысяч детей. Их уходило в лагеря шестнадцать рот и начался отбор детей. Кроме пионерских отрядов, многие ребята будут отдыхать в нашем детском санатории и дома в отаках.

Вот это в наши дни — явления общесоветские.

Людмила Павлова, старшая инструкторка школы №1 имени Ленина.

«ИСКУССТВЕННЫЙ КЛИМАТ»

Всем хорошо известно, в каких условиях работали когда-то рабочие ищелочников: в грязной и тесной обстановке, в условиях замкнутой пыли. Пыль от шиферообработки и пыли от шиферообработки — это так называемый «воровый свлаки». Редкий куратор доживал до 35—40 лет. Виз города — об этом были слышны, но никто не оставался ни одного взрослого мужчину, а в их называли «воровыми свлаки».

Ни в каком сравнении с этой работой сейчас не идет работа шиферообработки теперь. На всех предприятиях и в артелях имеется специальная вентиляция, оберегающая рабочего от пыли.

Мне, молодому инженеру, довелось участвовать в оборудовании вентиляции в новом номерно-вентиляционном цехе завода имени Сталина.

Представьте себе огромнейший, светлый и просторный цех, где работают как на конвейере, мажущие совсем маленькими — так великий этот зал.

Каждое рабочее место шиферообработки обеспечено вентиляционным прибором. Шиферообработчик круг почти целиком помещается в раскрыве этого вентилятора.

Пыль уносится по трубам, проложенным под потолком, откуда попадает в специально пылесосительную камеру, откуда несомненно фильтруется, и только после этого воздух, совершенно очищенный, от пыли вытесняется в атмосферу. Мощности вентиляторов была суммарная мощность ставных в шиферообработку отделение.

Кроме вентиляторов, в цехе установлена так называемая искусственный климата. Мы регулируем температуру влажностью воздуха, поэтому у нас в цехе и зимой и летом одинаковая температура. Зимой воздух подогревается в калориферах паром высокого давления, который поступает в холодильники. За час воздуха в шиферообработку отделение обменивается 21 раз.

Хотелось сказать еще об одном усовершенствовании. Раньше были только вытяжные вентиляционные трубы, а сейчас вентиляторы вынесены в здание за пределами цеха; Оттого в цехе можно свободно разгуляться, не повышая влажность. Шума нет.

Андрей Грамматин, главный энергетик завода имени Сталина.

В АМЕРИКЕ

Рассказ инженера завода имени Сталина
А. Четвернина

Задержавшись на заводе, я поздно возвращался домой. Однажды я проходил мимо трехэтажного дома, что принадлежал театру, из подвала вышла группа молодых людей. Они шли вперед, и по дороге кто-то отрывался от группы и пошел в сторону равагора и парка, что за ним находилось художественное искусство.

На том углу, где мне надо было свернуть направо, они тоже остановились. Пройдясь, один из них оказался музыкантом, поступившим в институт.

— Вы тоже занимаетесь в институте? — спросил я, проходя. — Да, да, да, — ответил мой спутник.

— А на заводе вы что делаете?

— Да на заводе-то я инженер-художником, но, конечно, до настоящего художника далеко еще.

Спутник мой улыбнулся. Он рассказывал о своей последней работе на заводе — эскизах репарации для кузовной смены постановки, о занятиях в студии. Слушая его, я вдруг с удивительной ясностью вспомнил эпизод из своей командировки в Америку.

Было это в Дирборне, недалеко от Детройта, на одном из автомобильных заводов. Видел нас по цехам заводской молодежь — человек с пышной физиономией и замашками коммуниста. Показывал он нам все, как поговаривают лучший мастер, с плохой скрытой хвастливостью. Хотя хвастливо, с нисней точки зрения, было это, собственно, ничем. Всё это

мы давно делаем сами, ничего такого нового, полезного для себя мы там не находим. А вот люди у коммунистов, как всегда, оставили дела студий, мастерскому труду мы, кстати сказать, так и не смогли привыкнуть.

Вот, кстати мы закончили просмотр, наш коммунист делал студийные работы, лодочными маячками, жест фотоснимки он показывает на четырех человек, стоящих в самом конце конвейера, по которому движется продукция.

— На нашем конвейере, — говорит он, — работают художники, настоящие, дипломированные художники. Двое из них окончили академию. Нам стало не по себе при виде этих знаменитых людей в панталоны и с настолью, которую каждый из них в самом деле держит на выдвинутом полосу на двигающемся конвейере. Видно, что человек, которому уже всё безразлично.

Эти «газеты», — продолжал наш гид, — любят читать об американцах, но находящих приключений в квалификации. Как видите, квалификация у нас есть, но только человек по-настоящему хочет работать.

Вот что интересно, — замечание бизнесмена было, пожалуй, странное. Видно, это и есть хвастливый американский образ жизни.

Вот что интересно, я, слушая моего улыбающегося спутника, шатающегося рядом со мной по неунышным палловским улицам.

Наша газета

На заводе, в школах, учреждениях Павлова-Оке выходит несколько тысяч экземпляров. В них рабочие, учащиеся, служащие делают оmissions своей работы, пишут новости, переживают провалы.

Редакция обратилась к Ф. Демидовичу, члену редакционной коллегии стенной газеты «Инструментальщика», с просьбой рассказать о работе газеты.

Юмор, писал Белнинский, означает всегда зрелость общества. Если отнестись эти слова и коллентну, то юмор, смех означают, что этот коллентва крепкий, словобитый. Мне очень приятно, что у нас на заводе в стенных газетах часто среди серьезных, похвальных заметок встречается юмористические рисунки, порой острые, злое.

Наша газета «Инструментальщика» иногда выпускает

специальное юмористическое приложение — «Колочку». И в ней наряду с рассказами об успехах рабочих производственных, таких, как тт. Гусев, Цветова и другие, крепким нерадивых рабочих, недостатки в организации работ.

«Занялись» так называлась карикатура на начальническую ренущей группы, по вине которого участок не выполнял своего обязательства.

Другая карикатура — «Болтушка» — на молодых работников, терпящих драгоценные минуты рабочего времени в пустых разговорах по укромным углам.

После появления карикатуры «Занялись» начальник ревизирует группу тов. Евтев. Изменил стиль своей работы, и участок стал первовыполнять план. Поступил комсомолец Штепневый, одной из «болтушек» на укромном углу.

Донбэйз разбирённое светило
Напрасно мастера Филиппа стыдливо:

Загнул да вы... в своей уме!
Зангли все лампочки при мне!

НА СТЕНДАХ МУЗЕЯ

На самой вершине Семёновской горы, над Оной, где некогда возвышался собор, теперь стоит здание Павловского краеведческого музея. Немало светлых, просторных залов знакомы посетителям, иллюстрирующим производственную историю Павлова, рост города за последние годы.

На стендах музея представлены изделия кустарей дореволюционного времени: по большей части всевозможного рода замки — от небольшого малюго до невероятного большого.

Росла страна, а с ней росла и культура людей, культура промышленности. Это видно глядя в музей, когда проходите по залам музея: вот прошлое — мрачная комната кустарей-одиночек, картины, изображающие бот и кожаную гостодствольную проваля снушкина; и вот настоящее — светлые залы, где под стеклом сохраняются ценнейшие творения кустарей-студентов. В витрине лежат гербы Советского Союза, собранный на 125 монюгодов: даже крохотные вещи колоссальное значение, весом в несколько граммов, ноютчина. К 70-летию со дня рождения

вошли и учителя народнообразования И. В. Сталина павловчане прислали в Москву подарок — перочинный нож со 104 предметами. Чего только нет! И новые лезвия, и ступовая иглоу, и шпигель, и различные ножницы.

Каждый такой редкий экспонат хранится как народное достояние. Среди изделий сложнейших и точных работ выделяются изделия К. И. Кулагина, рабочего артели имени Чкалова, которому принадлежали такие экспонаты, как «Сладкая былина» 184 года и 204 года, металл «Гер СССР», «Внезада» 106 года и другие. Но неустоятим по мастерству работы другого известного в Павловском музее мастера И. Ф. Букурова, сделавшего автомобиль «И-1» на 8 воней, экспонаты Х. В. Власова — ноже, имеюшие 50 и более предметов, и другие.

Наш народ ценит труд — с этим разосетым и гордым сознанием покончили мастера музея, где любимо собрано всё лучшее, что когда-либо создала мастеровская творчичина.

Конст. Воеводнин

Карикатуры из стенной газеты «Колочка». Нишеку: «В чехе кузовной арматуры, на участке мастера Филиппова, артели советских дней горят электросварки; внизу: «Комсомолец В. Андреев убирает в общедоугомобранный молодой цех на танцплощадке».

Павлова. Работа К. И. Кулагина. 32 ножа и 53 прибора.

Автомобиль. Работа И. Ф. Букурова. 8 ножей, 26 приборов.

И. о. редактора — Г. Ершов.

Редакция: И. Асеев, Б. Войтегов, Е. Долгановский, Н. Жуков, М. Котов, А. Носомедьянский, Г. Кулин, В. Лядин

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-94-24. А — 00878. Подписано и печати 10/IV 1950 г. Заказ № 815. Тираж 73 000. Изд. № 300

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

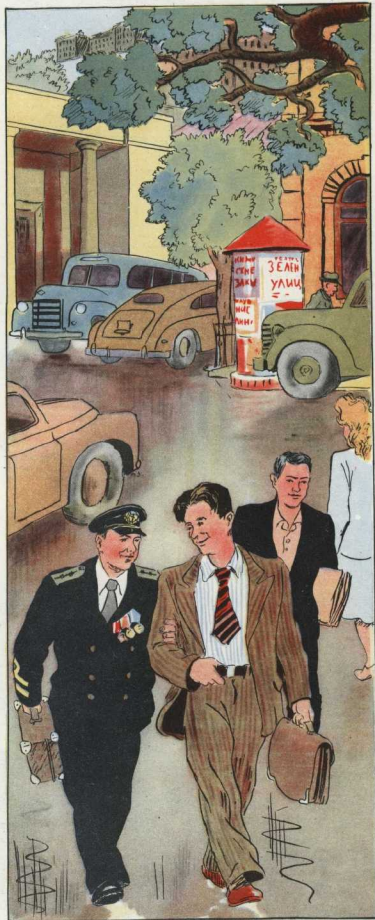
ДВА ГОРОДА

Стихи В. Котова

Рисунок Е. Ведерникова

У них название одно,
Но первый,
 смрадный и горбатый,
с лица земли исчез давно,
оставив лишь... координаты.

И город здесь теперь другой.
Цветущим обликом сверкая,
шумит он
над рекой Окой,
герой труда
и гордость края.

Не спадя / От столицы Родины любви, мой
И нам немало тянется дорог / Мы живем в краше городов, / Любим наш чудесный городок,
Любим наше небо голубое, / Любим наши зеленые в реке / Хорошо живется нам с тобою
Хорошо живется нам с тобою в городке и тыль по дороге / в лесостепи и тени городке.

В НЕБОЛЬШОМ И ТИХОМ ГОРОДКЕ

Музыка Ю. СЛОНОВА

Слова М. ЛИСЯНСКОГО

От столицы Родины любимой
И нам немало тянется дорог.
Мы живем в краше городов,
Любим наш чудесный городок,
Любим наше небо голубое,
Любим наши зеленые в реке,
Звезды, отраженные нам с тобою
Хорошо живется нам с тобою
В небольшом и тихом городке.
Здесь мы все тропинки ископали,
Намгда тропинка помнит нас,
Здесь впервые мы полюбили,
Встретились с тобою в первый раз.
Иногда дорожка наша вытесла

От родного дома вдалеке,
Но частичка сердца остается
В небольшом и тихом городке.

Мы, храня свой край неповторный,
Прославляя город свой трудом,
О Москве родной, Москва любимой

Песни задушевные поём,
По стране молва о нас промчится...
Вспомнет песня на Москре-рени...
Знаем: скоро будут петь в столице
О чудесном нашем городке.